

произведений Тургенева. Известно, что впоследствии Гончаровъ не могъ слышать имени Тургенева, не впадая въ ярость. Среди «мелочей прошлаго» интересна исторія неудачной попытки известной актрисы Елизаветы Семеновны Сандуновой нанять дачу на лѣто въ подмосковной вотчинѣ гр. Шереметьева Кусковѣ. Дѣло было въ июль 1812 г. Сандунова совсѣмъ уже было сторговала дачу на пол-лѣта за 350 р. Но артистическая слава этой крупной артистки въ данномъ случаѣ ей повредила. Узнавъ, что Сандунова — актриса и съ мужемъ въ разводѣ, «домовое правленіе» гр. Шереметьевыхъ рѣшило «во избѣжаніе какого коллоброду» нанимательницѣ отказать.

А. Кизеветтеръ.

«Вестникъ Соціалистической Академіи». Москва. 1923. Книга третья стр. 416.

«Соціалистическая Академія» — очагъ «новой», «коммунистической», «красной» науки. Эта «новая» наука не примирится на маломъ. «Красная наука» — это значить: коммунистическая анатомія и медицины, и философіи, и біологіи, и палеонтологіи, и ихтѳологіи, и фитопатологіи и всѣхъ прочихъ великихъ и малыхъ наукъ. Какъ бы юмористически къ такимъ претензіямъ ни относиться, но нельзя пройти безъ вниманія мимо работъ, появляющихся теперь уже регулярно въ этихъ пухлыхъ томахъ и являющихся дерзновеннымъ «иду на вы!» Соціалистической Московской Академіи, обращеннымъ ко всѣмъ Академіямъ, Университетамъ, Лабораторіямъ, отдѣльнымъ ученымъ — словомъ ко всей наукѣ «старого міра». Естественно, больше всего заинтересовываетъ въ «В. С. А.» все, что можетъ дать какія-нибудь указанія на характеръ, структуру и «стиль» новой «красной» науки. До насъ дошелъ только одинъ томъ «Вестника». Его содержаніе — такъ же какъ и содержаніе недошедшихъ до насъ томовъ — достаточно пестро. Тутъ и философія (статья *Деборина* о діалектикѣ у Фихте), и психологія (статья *Рейснера*), и социологія и философія исторіи («Къ постановкѣ проблемъ теоріи историческаго матеріализма» *Бухарина*, «Историч. матер. и вопросы первобытной жизни» *Богданова*, «Обзоръ литературы по первобытной культурѣ» *В. Никольскаго*), и политическая экономія («Математическій законъ денежной эмиссіи» *О. Шмидта*, «О золотомъ и товарномъ рублѣ» *Преображенскаго*, «Законъ тенденціи нормы процента къ пониженію» *Мотылева*), и психотехника (статьи *Ермакскаго* и *Шпильрейна*), и философія права («Въ защиту революціонно-марксист-

скаго понятія классоваго права» *Стучки*), и обзоры новой литературы и т. д. и т. д....

Одинъ своеобразный элементъ «стиля» преподаваемой «В. С. А.» науки сразу бросается въ глаза. Вся революціонность, «ударность» и сокрушительная сила новой науки не преллтъствуетъ ей по содержанію въ значительной степени складываться изъ элементовъ старой «буржуазной» и отжившей науки. Такая преемственность сама по себѣ еще не опорочиваетъ «красной» науки. Но новая наука, поглощая «буржуазную труху», въ то же время и не думаетъ о томъ, чтобы спуститься къ источнику научной истины — къ фактамъ, къ самостоятельному размышленію и къ самостоятельной научной работѣ. «Новизна» новой науки — только въ перемѣщеніяхъ перспективъ, передвиженіяхъ центровъ тяжести, перестановкахъ удареній. Но повсюду — стремленіе найти для себя точку опоры въ «буржуазной» наукѣ. И даже, вспыхивающій порой, самая грандіозный претензіи — *новая* марксистская психологія (*Рейснеръ*), *новая* исторія культуры (*Никольскій*), *новая* философія (*Деборинъ* — «ново-старая» философія діалектическаго матеріализма), *новая* пролетарская психотехника (*Ермаицкій*) быстро гаснутъ въ горахъ матеріала заимствованнаго изъ самой «архибуржуазной» науки. Изъ себя самого исходитъ одинъ *Бухаринъ*. — Уже такой «методъ» работы возбуждаетъ *принципальное сомнѣніе*. — Неужели же возможно построеніе новой — классової, коммунистической и прочая и прочая — науки путемъ обработки, стилизаціи, подмалевыванія науки буржуазной. Нѣсколько легкихъ штриховъ грима на лицѣ Ксю, Ураніи, или — оставшейся невѣдомой древнимъ — музѣ психотехники — и означенная богиня получаетъ право на партійный билетъ Р. К. П. Не слишкомъ ли это просто? — Авторы статей думаютъ иначе. «Марксистскій методъ можетъ связать огромное количество фактовъ, собранныхъ геологами, астрономами, этнологами, археологами и филологами, въ стройную систему» (стр. 400, ср. 306 и др.). Въ этой фразѣ вся программа работы, весь ея «производственный планъ» (какъ выражаются коммунистическіе ученые). Но вѣдь это — не планъ научной работы, а планъ компиляцій. И, какъ ни мудры, ее не сдѣлать творческой задачей. Въ наукѣ *творцомъ* можетъ быть только тотъ, кто не только умѣетъ, но и является въ ней *чернорабочимъ*. Это парадоксальный, но основной законъ научнаго творчества. Желаящій ограничить свою задачу лишь выборомъ изъ добытаго другими «подходящаго» (или «не-подходящаго»), запутывается въ безысходныхъ трудностяхъ тако-го предпріятія. Жизнь жестоко мститъ за презрѣніе къ законамъ науки. Рождаются не наука, а каррикатура и пародія на нее.

Поскольку вся научная работа разсматривается лишь, как новая обработка *уже данного* материала, постольку коммунистические «ученные» неизбежно вынуждены найти для себя ибный опорный пункт *внз* обрабатываемых ими данных «буржуазной науки», внз «фактов». Это — вншняя точка зрѣнія, точка зрѣнія «мы» — «мы — марксисты», «мы — коммунисты», «наши ортодоксально-марксистские коммунистические ряды» (стр. 3, 6, и *passim*). Наука — или по меньшей мѣрѣ часть ея: констатированіе фактов — ставовится неавтономной. Вншнія силы стремятся овладѣть даже самымъ процессомъ *добыванія* фактовъ. — «Сейчасъ положительно назрѣлъ моментъ для того, чтобы марксистская точка зрѣнія была распространена и на эту область (психологию) и чтобы, слѣдовательно, эта наука получила бы въ качествѣ ибкоторыхъ руководящихъ и основныхъ директивъ указанія съ компетентной стороны (1) — со стороны какого-либо учреждения или объединенія, которое въ своей средѣ соединило бы марксистовъ» (211). Воплощается такая «диктатура надъ наукою» въ Соціалистической Академіи, которая, какъ скромно выражается авторъ цитируемой статьи, «могла бы давать ибкоторыя заданія» (211). Это снрещеніе двухъ совершенно гетерогенныхъ рядовъ: имманентнаго научнаго развитія и вторгающихся извнзъ «директивъ» или «заданій» — и является источникомъ фантастики, не менѣ пылкой, чѣмъ во всѣхъ иныхъ областяхъ коммунистическаго творчества. Мы встрѣтимъ въ современной культурѣ, правда, и внз коммунизма подобныя же попытки построенія неавтономной науки по чуждымъ ей «директивамъ». Встрѣтимъ, напримѣръ, въ католической наукѣ, стремящейся сохранить «ортодоксію» во всѣхъ сферахъ науки: отъ теории множествъ до психологии и политической экономіи. Но, надо откровенно признаться, отношеніе католическихъ ученыхъ къ случаямъ конфликта «вѣры» съ «наукою» — директивъ съ фактами — несравненно болѣе серьезно. Въ католической наукѣ живо чувство *трагизма* такого конфликта (изъ этой серьезности отношенія къ конфликтамъ догмы и знанія выросло въ средневѣковомъ католицизмѣ ученіе о «двойной истинѣ»), чувство предохраняющее работы католическихъ астрономовъ или экспериментальныхъ психологовъ отъ того гротеска и той фантастики, которыми искрятся страницы «Вѣстника Соціалистической Академіи». И ужъ, конечно, ни одну изъ «буржуазныхъ школъ» (отъ гегельянства до позитивизма, точно также и любую школу въ конкретныхъ наукахъ) нельзя упреннуть въ *такомъ* безцеремонномъ отношенія къ *фактамъ*, какое мы находимъ въ лежащихъ передъ нами трудахъ «диалектическихъ *материалистовъ*».

Гротескность рисунка коммунистических научных построений объясняется еще другимъ. «Диктатура», «инструкція», «производственный планъ». Но «марксизмъ», «диалектический материализмъ», «марксистская психологія» и т.д. — все это не твердые и неподвижные шиболеты. Притомъ *не уже существующіе* шиболеты. Они должны быть впервые *построены* и *оприцаны* (по крайней мѣрѣ — въ значительной части). Трудность задания — «взять науку въ желѣзы» усугубляется тѣмъ, что «желѣзы»-то еще не выкованы. Въ вѣчной незавершенности всякаго *возможнаго* вообще отношенія къ науцѣ и лежатъ корни ея внутренней автономности. И вотъ въ коммунистической наукѣ: на словахъ диктатура *твердой* точки зрѣнія, а на дѣлѣ живая и конкретная (хотя бы и не крупная — вроде *Стуки* или *Преображенкина*) научная личность или — комплексъ нѣсколькихъ личностей. (Что наука — *въ движеніи* — это изъ всѣхъ авторовъ сборника поиниго только *Бухарину*.) И притомъ — «личностей» *не уважающихъ* науки, не служащихъ ей, а дѣлающихъ ее служанкою. Поэтому естественно, что въ конфликтѣ личности съ наукою неизбежно превѣшиваетъ *личность* — со всѣмъ своимъ комплексомъ значенія (и лезванія), убѣжденій (и предразсудковъ), симпатій (и пристрастій). И результатъ: гротескъ нестраго, «лоскутнаго» сплетенія вопросовъ — въ которыхъ все *случайно* и обусловлено только случайными симпатиями, интересами и запасомъ знаній членомъ и сотрудниковъ Академіи — и отвѣтовъ, насильно и безъ остатка редуцируемыхъ на тѣ же факторы. Во всѣхъ трехъ томахъ «Вестника» — именно такой хаосъ проблемъ и отвѣтовъ — такой же хаосъ и въ рекомендаціяхъ книгъ. Своихъ книгъ нѣтъ («пока»). Поэтому рекомендуютъ *любимая* или просто интересная, или просто праваяся. И, Богъ мой, какая нестрога. Тутъ и *Фрейдъ* (233, 234, 240-5 и т.д.), и *Бехтеревъ* (227), *Сидосъ* (229), *Леви-Грюль* (работа о мысленнѣй дикарей, 394), *Вильгельмъ Штернъ* («Person und Sache», 200, 248). *Р. Кронеръ* («отъ Канта къ Гегелю»; 52), *Л. Кнаппъ* (220) и т.д. — Но не забудемъ, что мы въ мирѣ диктатуры, и что рекомендація становится здѣсь канонизаціей. *Фрейдъ* вытѣсняеть и сокрушаетъ *Гуссерля* (1124), «Материалистическая» (?) экспериментальная психологія Вюрцбургскую школу (124), *Штернъ* объявляется обоснованіемъ марксизма (218). Всякая идея, попавши въ атмосферу научной диктатуры, мертвѣеть, самая лучшая книга становится только гильотиной для иныхъ книгъ и идей. Коммунистическая наука знаетъ не борьбу идей, а «выводы» однихъ идей другими «въ расходъ».

Но далѣе: черезъ личности правящія наукою — черезъ *Рисенера*, *Бухарина* или *Шпильрейна* въ коммунистическую науку

прорываются и еще иные сторонние элементы — все то, что этими личностями владѣеть, — а владѣеть ими «злоба дня». Вчера это была «электрофикация» или «концессія», сегодня это психология в «Вестникѣ» читаемъ: «эти вопросы настолько актуальны въ нашихъ военныхъ учебныхъ заведеніяхъ...» — 211). Сстрѣченіе случайныхъ личностей со случайными злобами дня рождаетъ рядъ причудливыхъ комбинацій, всецѣло овладѣвающихъ коммунистической наукой. Что вниманіе всякаго научнаго работника направляется немедленно на «злобу дня» — понятно безъ поясненій (вѣдь «неприспособленные вымираютъ» или, лучше, «неприспособляющиеся вымираютъ» — одинъ изъ основныхъ законовъ природы русскаго совѣтскаго строя). А въ случаѣ, если запасы знаній «соціалистическихъ» ученыхъ недостаточны, чтобы дать отвѣтъ на «злобу дня» — хватается первое «попавшееся подъ руку» или слѣбно ad hoc сконструированное построеніе. Эти случайныя комбинаціи разсыпаются такъ же быстро, какъ и создаются. Фантастика этихъ процессовъ комбинированія и распада не очаровательна. Не угодно ли послушать: «возьмемъ знаменитую психотехнику, сдѣлавшуюся за послѣднее время столь модною... Соответствующая полоса «Правды» по средамъ чуть ли не вся пополнилась... безразборчивымъ (!) восхвалениемъ многихъ сомнительныхъ затѣй въ этой области. Стоило т. Сѣмашко бросить въ печать слово противъ психотехники, какъ тѣ же лица, которыя наполняли указанную полосу въ «Правдѣ» уже отрицаются отъ «моднаго повѣтрія» и «верхоглядовъ». И на почвѣ добрыхъ намѣреній невѣжества расцвѣтаютъ такія, напр., цѣточки, какъ идея «учрежденія при Наркомпросѣ штатныхъ должностей Робинзона и Пятницы въ цѣляхъ изученія условій жизни и работы людей внѣ механизации и электрофикации» (180). Или — «ставятъ организаторамъ конторскаго аппарата въ примѣръ не кого иного, какъ Наполеона, и увѣряютъ насъ, что какъ и всѣ организаторы (Ленинъ? П.П.) такъ и Наполеонъ соблюдали принципъ организациі пятерками. Въ качествѣ убѣдительнаго аргумента ссылаются на гѣкаго Григорьева, который... проводилъ идею, что во всемъ мірѣ, во всемъ бытіи господствуетъ «принципъ пентаграммы» и для устраненія всякихъ сомнѣній ссылались на то, что совѣтская звѣзда имѣетъ пять угловъ» (181). То же въ любой области науки. «Злой день» можетъ стать и «математическая логика» и «отъ Канта къ Гегелю» и бѣдные «ученые» должны будутъ, слѣбно проглотивъ кое-какія книжачки или книжонки, писать, печатать и читать о новой злобѣ дня. Какъ-никакъ, въ Рос-

снѣ есть хорошая традиція — Кукольниковское: «прикажутъ, и буду акушеромъ».

Но разрываемые практическими потребностями «злости дна» и невозможностью «всезнанія» Рейснеры и Стучки, Ерманскіе и Горевы съ неизбежностью становятся на позицію «научнаго террора». «Жизнь» (коммунистическая) требуетъ отъ меня психотехники или «отъ Гегеля къ Марксу», а я ничего или почти ничего объ этомъ не знаю и не могу предложить («Злоба дна» требуетъ всегда неизданнаго!). А со всѣхъ сторонъ — при отсутствіи тенденціи къ самостоятельной работѣ — передо мною только одно: горы литературы, сотни мѣній, десятки школъ. Со всѣхъ сторонъ надвигается незнакомое, «тьма кромѣшная» «буржуазной» (ибо не знаю созданной!) науки. Остается одно средство: средство Лациса (изъ «Краснаго Меча») — судить идеи по ихъ происхожденію. Аргументація замѣняется классовой квалификаціей. Одна точка зрѣнія оставляется про запасъ, для соответствующаго употребленія. А всѣмъ остальнымъ: «къ стѣнкѣ! потому: буржуазныя!» — Конечно, этотъ «стиль» работы не въ той же мѣрѣ — у М. Покровскаго и В. Никольскаго, у Рейснера и Преображенскаго. Но духъ и настроеніе одни. Этотъ духъ — духъ подозрѣнія. И аргументація исчерпывается потому двумя мотивами: «подозрительно, ибо буржуазно», «подозрительно, ибо непонятно». Нѣтъ иныхъ аргументовъ и по отношенію къ твореніямъ, вышедшимъ изъ «нашихъ ортодоксально-марксистскихъ коммунистическихъ рядовъ». Отвергается «психологическій методъ», какъ выросшій «въ хоромахъ буржуазной общественной науки» (8), Туганъ-Барановскій, какъ «достойный сынъ своего класса» (103), Гильфердингъ, ибо «исчугали призрака (!) рабочей революціи» (131), Петракичскій, ибо его теорія «кадетско-психологическая» (159), «Психологическая концепція права», какъ и «правовая теорія буржуа» (169), математическій методъ въ политической экономіи оказался «мистикой» (260 и друг.), этиологъ Фрезеръ — просто ученикъ «софиста и епископа Беркли» (391-2). И такіе примѣры — на каждой страницѣ. Больше наивные изъ коммунистическихъ ученыхъ, въ какомъ-то оцѣпенѣннѣи останавливаясь передъ надвигающейся на нихъ отовсюду бездною непонятной премудрости, какъ эзорцизмомъ отмахиваются отъ незамѣтно (а что болѣе опасно, чѣмъ незамѣтно!) прокрадшейся въ коммунистическіе ряды» буржуазной заразы. *Отто Шмидтъ* проглотить подъ видомъ математики мистику, *Рейснеръ* «дискредитируетъ наше классовое понятіе права («цѣль болѣе чѣмъ ясна!») и не замѣняя его открыто иною классовой концепціей», «протаскивается» «незамѣтно известную кадетско-психологическую ге-

орію Петражицкаго» (159). Всё подозрительны, всюду подозрительное. И неудивительно, если полемика обострится до допоса (на не-коммунистов — *Литошенко*, «общественныя симпатіи котораго ясны» — 297, или даже коммунистов — ср. стр. 306 и слѣд.), а изъ груди трогательно-наивнаго *Стучки* вырывается историчный крикъ: «И если т. Рейсперъ попытается въ отвѣтъ мнѣ снова поднести концепцію Петражицкаго, онъ съ полнымъ правомъ получить въ отвѣтъ: долой эту кадетскую доктрину!» И право на такой «крикъ души» есть. Въѣдь тотъ же авторъ самъ указываетъ: «*И принявъ за основу опредѣленіе права, выработанное не мною, а коллегией Наркомюста*» (160). Въ той же плоскости «защитныхъ средствъ» и средствъ самоуспокоенія вѣчныя утвержденія, что, слава Богу, все обстоитъ благополучно — что «идеалистическія и метафизическія направленія въ психологіи (это буржуазной-то! П. П.) доживаютъ свои послѣдніе дни. Конечно, они еще существуютъ, но уже «уклюжь современній психологіи твердо обозначены» (227), или что «мы уже имѣемъ попытки» созданія новой науки (ср. 400 и др.).

Любопытны и еще нѣкоторыя черты «стиля» красной науки. Это — прежде всего — вѣра въ то, что все въ наукѣ должно быть *понятно*. Непонятность вскрываетъ неправильность, ненужность, злые замыслы (противъ этого возражалъ въ преніяхъ въ Академіи коммунистъ *Крицманъ*). Это, конечно, старый мотивъ: мотивъ всякаго «Просвѣщенія». Конечно, налицо и твердое убѣжденіе въ неразрывной связи теоретической истинности съ политической благонадежностью. Черта также не новая. Ученые «марксисты» или «коммунисты» всюду, конечно, выдѣляются въ особую группу, истинность утвержденій которой а priori совершенно иная, чѣмъ высказыванія всякаго иного мыслящаго человѣка (ср. стр. 161, 210, 211, 400 и т.д.).

У насъ нѣтъ мѣста остановиться на характеристикѣ нѣкоторыхъ работъ по содержанию (а интересными надо признать, кроме нѣсколькихъ корректныхъ рефератовъ, пожалуй, только работы *О. Шмидта* и *Бударина*. Послѣднія же только авторефератъ большой книги объ историческомъ материализмѣ, на которой слѣдовало бы остановиться въ иной связи). Да это и ненужно. Для насъ — самое цѣнное въ «Вестникѣ» — его «стиль». И мы потому такъ долго останавливались на его характеристикѣ, что, быть можетъ, опасность внесенія такого стиля въ науку угрожаетъ намъ не только со стороны «Соціалистической Академіи» (но объ этомъ — также въ иной связи!).

Но — оборвемъ. Въ такой «реформѣ науки» (выраженіе изъ родственной «Вестнику» по духу книжки *Блонскаго*), въ пере-

стройкѣ зданія науки по плану и заданіямъ, даннымъ извѣ — мало новаго. Этимъ разрушеніемъ старой культуры, на разналинахъ которой строится новое, занимался вѣдь еще блаженной памяти градоправитель гор. Глупова Онуфрій Ивановичъ Негодяевъ. Вѣдь это онъ «размостилъ вымощенными его предшественниками улицы и изъ добытаго камня построилъ монументовъ». По методамъ отъ него недалеко ушла Соціалистическая Академія.

П. Прокофьевъ.

Владиміръ Маргуліесъ. Огненные годы. Изд. «Манфредъ», Берншъ. 1923 г. 322 стр.

Книга В. Маргуліеса обнимаетъ лишь сравнительно небольшой періодъ изъ эпохи гражданской войны на югѣ Россіи и касается только одного опредѣленнаго мѣста, города Одессы. Трудъ В. Маргуліеса представляетъ собою собраніе выдержекъ изъ одесской прессы, относящихся ко времени вторичнаго пятимѣсячнаго господства большевиковъ, отъ апрѣля 1919 г., когда городъ былъ оставленъ франко-греческимъ десантомъ, до возвращенія въ Одессу Добровольческой Арміи ген. Деникина въ августъ того же года. Самому автору принадлежитъ лишь незначительная часть текста, свизывающая, въ формѣ записей дневника, мало къ тому же интересныхъ, приводимые имъ матеріалы.

Матеріалы В. Маргуліеса не всѣ равноцѣнны, въ ихъ подборѣ нѣтъ системы; все же, опубликованіе этой коллекціи выдержекъ вполне оправдано, ввиду недоступности самихъ первоисточниковъ. Эти матеріалы — свидѣтельскія показанія большевиковъ о самихъ себѣ, автопортреты; они, разумѣется, односторонни и недостаточны тамъ, гдѣ касаются тѣневыхъ сторонъ большевистскаго режима. И тѣмъ не менѣе, живописуемая ими картина провинціального большевизма весьма выразительна и цѣльна.

Сущность большевистскаго режима, механика и техника большевистской «государственности» — одинаковы повсюду. Къ власти большевиковъ неизмѣнно приводитъ толпа, течная стихія, насыщенная къ тому же социальными отбросами всякаго рода. Но, вознося большевиковъ на вершины власти, стихія вовсе не остается только покорнымъ орудіемъ въ ихъ рукахъ, а, въ свою очередь, превращаетъ власть въ слугу своихъ страстей. Въ провинціи, въ разгаръ гражданской войны, особенно рельефно выявлялась эта интимная, субстанціальная связь большевиковъ съ социальнымъ подпольемъ, этотъ своеобразный симбіозъ, гдѣ не всегда уже можно отличить господина отъ слуги, гдѣ легко и безслѣдно стираются грани между бывшимъ «идейнымъ» больше-